
СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ МОДЕЛИ Я ТАБЕ V_{fut}

УДК 811.161.3'373(045)

DOI: 10.56246/18294480-2023.15-34

ГАРАНОВИЧ ТАТЬЯНА

Старший преподаватель Минского государственного
лингвистического университета
электронная почта: tatiana_garanovich@rambler.ru

В статье рассматриваются белорусские синтаксические фразеологизмы модели я табе V_{fut} с целью выявления их структурной и семантической специфики. Методом компонентного анализа, проведенного на фактическом материале Белорусского N-Корпуса, установлено, что они реализуются в двух структурных вариантах. В первом из них сочетание постоянного и переменного компонентов противоречит современным синтаксическим нормам белорусского языка, что является признаком высокой степени фразеологизации, в связи с чем такие синтаксические фразеологизмы относятся к фразеологизмам-сращениям. Во втором структурном варианте сочетание постоянного и переменного компонентов соответствует синтаксическим нормам языка, что свидетельствует о невысокой степени фразеологизации и служит основанием для причисления таких синтаксических фразеологизмов к фразеологизмам-сочетаниям. Принадлежность синтаксического фразеологизма модели я табе V_{fut} к одному из двух выделенных структурных вариантов зависит от управления глагола, занимающего позицию переменного компонента V_{fut} . На основании выявленной особенности делается вывод о том, что устойчивая синтаксическая модель я табе V_{fut} является своего рода «хамелеоном», меняющим степень фразеологизации, поскольку по этой модели строятся как фразеологические сращения, так и фразеологические сочетания. Методом контекстологического анализа выявлено, что СФ модели я табе V_{fut} имеют три значения – возмущения, негодования; категорического запрета; намерения воспрепятствовать совершению действия.

Ключевые слова: синтаксический фразеологизм, модель, степень фразеологизации, постоянный компонент, переменный компонент, структурный тип, значение.

Проблема синтаксической фразеологии на материале русского языка исследуется с середины 20 в. Так, в 1958 г. в статье «О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи» Н. Ю. Шведова констатировала существование в языке «огромного количества особого рода стабилизовавшихся построений, с одной стороны, лексически свободных, с другой стороны, таких, в которых явления собственно грамматические выступают в неразрывном единстве с явлениями лексико-фразеологическими»¹. Эти фразеологизированные предикативные синтаксические конструкции представляют собой нечленимые воспроизводимые шаблоны с устойчивой формой и относительно свободным лексическим наполнением переменных компонентов, а одним из их формантов является «застывшая форма, оторвавшаяся от парадигмы соответствующего слова и в той или иной степени утратившая свои лексические и категориальные значения. В отличие от свободных построений, соединения фразеологического характера не активно и каждый раз заново возникают в языке как реализация его живых синтаксических возможностей, а используются как готовый материал, «обновляемый» говорящим лишь в части знаменательного слова». Синтаксические фразеологизмы рассматривались Д. Н. Шмелевым, А. В. Величко, В. Ю. Меликяном, М. В. Всеволодовой, Ю. М. Белозеровой, В. В. Панковой, О. Г. Даллакян, Д. А. Вакуненко, М. В. Копотевым, Т. И. Стекловой, Н. А. Дашян, Лим Су Ён, А. П. Ушаковой и др. и, согласно А. Н. Баранову и Д. О. Добровольскому, выделяются как один из типов фразеологизмов в современных классификациях русских устойчивых единиц².

В белорусской фразеологии всесторонне изучены лексические фразеологизмы: их характеристики, семантика, степень связности компонентов, соотнесенность с частями речи, структурные типы, проблемы вариативности, полисемии и омонимии, синонимические и антонимические отношения, этимология, развитие фразеологии в диахроническом аспекте, стилистическая принадлежность фразеологизмов, особенности их употребления, использование в произведениях белорусских писателей (Ф. М. Янковский,

¹ Шведова Н. Ю., О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания, 1958, № 2, с. 93.

² Баранов А. Н., Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, М., Знак, А. Кошелев, 2008, 656 с.

И. Я. Лепешев, А. С. Аксамитов, Е. Е. Иванов, А. Е. Михневич, Н. А. Данилович, Б. А. Плотников, В. В. Маршевская, Ф. И. Томашевич, В. И. Нестерович, В. К. Мороз, Н. Н. Олехнович, О. А. Лещинская, З. В. Шведова, С. В. Асабина, Е. С. Садовская, Л. В. Поплавная, И. М. Хлусевич, Г. М. Моложай и др.). Что касается синтаксических фразеологизмов, то они не были объектом специальных исследований в белорусской лингвистике как в рамках фразеологии, так и синтаксиса, в частности не упоминаются в академической «Белорусской грамматике»³ и в самой современной на сегодняшний день фундаментальной работе по синтаксису белорусского языка Т. Р. Рамзы⁴, чем обусловлена новизна нашего исследования. Отметим, однако, что эти единицы упоминаются в некоторых работах белорусских филологов. Так, Б. Ю. Норман приводит примеры русских и болгарских фразеологизованных синтаксических конструкций среди синтаксических средств, имеющих прагматические значения⁵, а А. В. Доўгаль рассматривает белорусские синтаксические фразеологизмы среди языковых средств выражения эмоций⁶.

В результате проведенного анализа научной литературы, посвященной фразеологии на уровне синтаксиса, и нашего фактического материала, насчитывающего более 3000 белорусских контекстов, мы выделяем следующие свойства синтаксических фразеологизмов: устойчивость; идиоматичность; воспроизводимость; предикативность; модусное значение; семантика суждения; закреплённость обобщенного значения за моделью, по которой они строятся; наличие постоянных и переменных лексических компонентов; десемантизация постоянного компонента; относительно свободное лексическое наполнение переменного компонента; нарушение грамматических норм в соединении компонентов либо его алогичность;

³ Беларуская граматыка: у 2-х ч. Ч. 2. Сінтаксіс / АН БССР. Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; рэд. М. В. Бірыла, П. П. Шуба, Мн., Навука і тэхніка, 1986, 327 с.

⁴ Рамза Т. Р., Сінтаксіс : Тэарэтычны курс: Вучэб. дапаможнік / Т. Р. Рамза; Пад агул. рэд. А. Я. Міхневіча, Мн., БДУ, 2003, 202 с.

⁵ Норман Б. Ю., Лингвистическая прагматика: на материале русского и других славянских языков: курс лекций / Б. Ю. Норман, Минск, Белорусский государственный университет, 2009, 181 с.

⁶ Доўгаль А. В., Функцыянальна-семантычная катэгорыя эматыўнасці ў сучаснай беларускай мове: дыс. на атрым. вуч. ступ. канд. філал. навук: 10.02.01 / А. В. Доўгаль, Мінск, 2006, 176 л.

экспрессивность; принадлежность к разговорному стилю. Термином *синтаксические фразеологизмы* (далее – СФ) мы обозначаем идиоматические предикативные единицы, образованные на основе воспроизводимых синтаксических моделей с обобщенным модусным значением, имеющих в своем составе постоянные и переменные лексические компоненты, соединение которых немотивировано современными грамматическими нормами либо алогично.

Как и лексические фразеологизмы, СФ дифференцируются по степени фразеологизации. Так, Н. Ю. Шведова, указывая на неоднородность фразеологизированных синтаксических конструкций, применяет к ним известную классификацию лексических фразеологизмов В. В. Виноградова и в зависимости от характера постоянного компонента и его соединения с другими компонентами подразделяет СФ на три группы: 1) конструкции, в которых соединение компонентов немотивировано, а незаменимый компонент почти полностью делексиализован и лишен категориальных значений (фразеологические сращения); 2) конструкции, в которых соединение компонентов мотивировано изменившимися или устаревшими нормами; делексиализация постоянного компонента неполная, а его формальные связи с соответствующим грамматическим классом не утрачены (фразеологические единства); 3) конструкции, соединение компонентов в которых соответствует современным языковым нормам; постоянный компонент частично меняет свое значение, его связи с грамматическим классом не утрачены (фразеологические сочетания). Среди белорусских СФ нами выявлены не только СФ-сращения (*Чым не жаніх! Што за песні!*), СФ-единства (*На тое і кіраўнік! Што верна то верна*) и СФ-сочетания (*Каму ён патрэбны! Дзе яму праехаць!*), но и очень интересные модели, назовем их «хамелеонами», которые в зависимости от лексического и/или морфологического наполнения позиции переменного компонента могут относиться как к фразеологическим сращениям, в которых связи между компонентами нарушают синтаксические нормы языка, так и к фразеологическим сочетаниям, по форме неотличимым от предложений свободной структуры.

Белорусские СФ одной из таких моделей выступают объектом исследования в нашей статье – это СФ типа *я табе V_{fut}* (*я табе паеду, я*

табе ажанюся, я табе пакрычу). Постоянным лексическим компонентом в них является сочетание личных местоимений *я* в форме Именительного падежа и *ты* в форме Дательного падежа, переменный компонент с неограниченным лексическим наполнением, обозначаемый в формуле V_{fut} – глагол в форме будущего времени. Как местоимения *я* и *ты*, образующие постоянный компонент СФ, так и переменный компонент V_{fut} не утрачивают своих лексических значений, однако вся модель *я табе V_{fut}* имеет идиоматический характер: несмотря на то, что глагол V_{fut} согласуется в лице и числе с подлежащим *я*, оно не является субъектом выражаемого им действия, а Дательный падеж местоимения *ты* не обозначает направленности действия на человека, к которому относится это местоимение. Так, в СФ *я табе пайду* глагол *пайсці* используется в форме первого лица единственного числа, согласуясь с местоимением *я*, при этом намерение пойти имеет не говорящий, а слушающий – тот, кому адресован СФ и кто фигурирует в нем под местоимением *табе*; адресант собирается пойти куда-то, говорящий реагирует на его планы идиоматичным *я табе пайду* с семантикой возмущения / запрета / намерения помешать совершению действия.

В нашем фактическом материале, представленном 100 СФ модели *я табе V_{fut}* из Белорусского N-корпуса⁷ и электронных версий белорусских информационных изданий, нами выделены два структурных типа этих построений:

1) СФ, в которых сочетание глагола V_{fut} с местоимением *ты* в форме Дательного падежа не соответствует управлению этого глагола, т. е. синтаксические связи между ними нарушены, например, *я табе паеду* (правильно: *паехаць да каго-н., ад каго-н., па што-н.*), *я табе пайду* (правильно: *ісці да каго-н., у/на што-н., за кім/чым-н.*), *я табе ўцяку* (правильно: *уцячы ад каго-н., да каго-н.*), *я табе даведаюся* (правильно: *даведацца чаго-н., пра каго/што-н., аб кім/чым-н.*)⁸: – *Я тады паеду адзін, – цвёрда адрэзаў Цішка. – Заданне было прывезці бомбы. – Я табе паеду,*

⁷ Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bnkorporus.info/korporus.html>. – Дата доступа: 12.02.2023.

⁸ Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / уклад.: І. Л. Капылоў [і інш.]; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2016. – 968 с.

– *ускінеў Сакалоўскі. – Вельмі разумны стаў* (І. Навуменка); – *Дык, можа, не трэба мыць? Я пайшоў тады!* – **Я табе пайду!** (В. Зуб);

2) СФ, в которых сочетание глагола V_{fut} с местоимением *ты* в форме Дательного падежа соответствует его управлению, т. е. синтаксические связи между компонентами не нарушены, например, *я табе не аддам, я табе пагойкаю, я табе напішу, я табе скажу. – Шыянок! Забары пісталет. – Не аддам! – Я табе не аддам! Скажы дзякуй, што не забіраю партупею і не павяду пад канвоем* (І. Шамякін); – *Ста-а-аська-а! Гой, го-о-ой! – кінуйшы пяць, знецяйку закрычала тая дзяўчынка, і звонкім і вясёлым дзіцячым голасам. – Вось я табе пагойкаю, свавольніца! – лагодна крыкнуў у даччын бок сівавусы ляснік, сходзячы з ганку на дарогу* (М. Гарэцкі).

По форме СФ второго типа неотличимы от свободных предложений, поэтому их принадлежность к фразеологизмам устанавливается только с помощью контекстологического анализа. Сравним предложения модели *я табе V_{fut}* с одинаковым лексическим наполнением переменного компонента: – *Дзе я вазьму столькі грошай? – Я табе пазычу. Гэта не праблема ‘я дам тебе деньги’; Я пазычу Мішы дзве тысячы. – Я табе пазычу. А чым мы за рамонт з майстрамі разлічвацца будзем?! ‘я запрещаю тебе давать деньги в долг’.* В первом примере *я табе пазычу* – это нефразеологизованное монопредикативное предложение, в котором *я* является субъектом, а *ты* – объектом действия V_{fut} . Во втором примере *я табе пазычу* представляет собой СФ с модусной семантикой запрета, невы выводимой из его компонентов: *я* не является субъектом действия V_{fut} несмотря на то, что они согласуются по форме; V_{fut} не обозначает реального действия в будущем, а его сочетание с местоимением *табе* не выражает объектных отношений. Формально простое предложение, *я табе пазычу* в данном случае характеризуется полипредикативностью, под которой мы, вслед за Г. А. Золотовой, понимаем «соотнесенность или взаимодействие в рамках одной коммуникативной единицы двух или нескольких предикативных единиц, в каждой из которых есть свое сопряжение имени признака (предиката) с именем предмета (субъекта) и свои грамматические характе-

ристики времени, модальности и лица»⁹. Полипредикативность СФ *я табе пазычу* выражается в его политемпоральности, полимодальности и полисубъектности: запрет относится к настоящему, а намерение дать деньги в долг – к будущему, что определяет политемпоральность предложения; запрет является реальным действием, а намерение одолжить деньги – потенциальным, что обуславливает полимодальность рассматриваемой структуры; в состав предложения входят два субъекта: *я* – формально не выраженного запрета, *ты* – действия V_{fut} , следовательно, оно является полисубъектным.

В результате контекстологического анализа 100 употреблений СФ модели *я табе V_{fut}* нами выявлены три значения этих единиц.

Во-первых, они используются в речи для выражения возмущения, негодования: – *А бяроза, Сцяпанка, не твая, бо каля маёй хаты расце. От захачу, дык і спілюю ўзімку на дрывы. – Я табе захачу! Я табе спілюю!* (В. Гардзей) ‘я возмущен твоим возможным желанием спилить березу; я возмущен твоим намерением сделать это’; *Але, падумаўшы пра тое, што яго здымуць з працы, Ігнат не пашкадаваў. «Ну і хай, – і са злосцю вылаяўся сам сабе: – Напляв-ваць!.. Яшчэ крычыць на мяне. Я табе пакрычу!..»* (І. Мележ) ‘я возмущен тем, что на меня кричат’. В первом примере Степан не может помешать Тафилю захотеть спилить дерево, поскольку желание относится к ее внутреннему миру, неподконтрольному его влиянию. Он также не может помешать и осуществлению физического действия *спилить*, поскольку береза растет на земле Тафили, возле ее дома, а Тафиля не находится в отношениях подчинения со Степаном, чтобы он мог определять, как ей поступить. Все что он может в сложившихся обстоятельствах – это выразить свое резко отрицательное отношение к действиям V_{fut} , давая с помощью СФ *я табе захачу* и *я табе спілюю* выход своим эмоциям – возмущению, негодованию, гневу. Во втором примере Игнат, на которого накричали, рассержен и чувствует злость, что он передает с помощью СФ *я табе пакрычу*. Выражаемая СФ модели *я табе V_{fut}* семантика возмущения, как правило, относится к действиям в будущем, однако в нашем фактическом материале выявлены отдельные случаи, когда говорящий употребляет СФ и в отношении того, что уже

⁹ Золотова, Г. А. Монопредикативность и полипредикативность в русском синтаксисе / Г. А. Золотова // Вопросы языкознания, 1995, №2, с. 102.

произошло, что иллюстрирует второй из приведенных выше примеров: на Игната накричали, и это вызвало у него злость; думая о произошедшем, он мыслями и чувствами все еще находится в той ситуации, что подтверждается ее описанием в настоящем времени *яшчэ крычыць на мяне*; таким образом, СФ *я табе пакрычу* с глаголом в форме будущего времени употребляется в ситуации, переживаемой говорящим в настоящем, а реально произошедшей в прошлом. То, к какому временному плану относится модусный смысл, выражаемый СФ, определяется контекстом.

Во-вторых, в ситуациях, когда отношения говорящего и слушающего предполагают подчинение (например, начальник и рядовой сотрудник, более возрастной и более молодой собеседники) СФ модели *я табе V_{fut}* обозначают запрет в категоричной форме: – *Не магу болей! Ляўчук! Я пайду да іх! Каб вам... Ратуйце малога! – Маўчы! – прыкрыкнуў на яе Ляўчук. – Я табе пайду!* Ану паўзі сюды (В. Быкаў) ‘я запрещаю тебе идти’; – *А што перадаць Лёдзі? – падчапіў ён, саскочыўшы з падаконніка. – Я ёй напішу сам, – паслухмяна адказаў Юра. – Толькі паспрабуй! Я табе напішу... – вярнуўся ад дзвярэй Яўген і, гатовы раз’юшыцца, спыніўся за крок ад Юры (У. Карпаў) ‘я запрещаю тебе писать ей’.* В первом примере командир обращается к отрядной радистке, находящейся у него в подчинении, у него есть право отдавать ей приказы, определять то, как ей следует поступать. Во втором примере, когда Юра озвучивает свое намерение написать Лёде, Евгений, на правах ее брата, запрещает делать это. То, что СФ в данном случае выражает именно запрет, подтверждается его восприятием Юрой, отраженным в реакции *калі забараняеш, дык і пісаць не буду*.

В-третьих, СФ типа *я табе V_{fut}* обозначают намерение воспрепятствовать совершению действия. Эту семантику СФ имеют в ситуациях, когда у одного из собеседников есть большая власть над другим, что позволяет ему не только запретить что-либо, но и конкретными действиями помешать этому: *Пазнаў гад печаны. І прозвішча не забыўся. – Што, Цэхан, у Беларусь уцякаеш? Я табе ўцяку.* Ану ідзі са мной. Ты быў і застанешся сынам кулака, і нікуды ад улады не ўцячэш (Биржа информации) ‘я не дам тебе убежать’; *Унучка хныкала, што не пойдзе ў школу. «Зараз скажа: я табе не пайду», – падумаў ён. Марына паўтарыла тыя словы дакладна. Нічога дзіўнага, ён слухае гэта ўжо мноства раніц (В. Лойка) ‘я не дам*

тебе не пойти в школу’. В первом примере сотрудник НКВД, используя СФ *я тебе ўцяку*, сообщает о том, что он не даст сыну кулака Цехану уехать, и далее переходит к действиям – пытается задержать его. Во втором примере мать использует СФ *я тебе не пайду* в разговоре с дочкой, не желающей идти в школу. У матери есть возможность заставить ребенка пойти на учебу, т.е. не дать не пойти, поэтому и в этом случае мы определяем семантику СФ именно как намерение воспрепятствовать совершению действия.

Три выявленных значения белорусских СФ – ‘возмущение’, ‘запрет’ и ‘намерение воспрепятствовать’ – объединяет резко отрицательное отношение говорящего к действию V_{fut} , а отличает степень участия в том, чтобы помешать совершению этого действия: выражая возмущение, человек лишь передает свою эмоцию, воздействие на адресата в этом случае является косвенным; выражая запрет, говорящий дает указание не делать чего-либо, т. е. осуществляет прямое воздействие на собеседника; выражая намерение воспрепятствовать, он не только обращается непосредственно к адресату, но и показывает свою готовность помешать ему, более того СФ даже может служить сигналом для слушающего о немедленном переходе к таким действиям.

В результате проведенного исследования установлено, что белорусские СФ модели *я тебе V_{fut}* реализуются в двух структурных вариантах: в первом сочетание глагола V_{fut} с постоянным компонентом *табе* нарушает современные синтаксические нормы языка, в связи с чем эти СФ относятся к фразеологическим сращениям; во втором – соответствует им, поэтому такие СФ являются фразеологическими сочетаниями. Принадлежность СФ к одному из выделенных структурных вариантов обусловлена управлением глагола, занимающего позицию переменного компонента V_{fut} . Выявлено, что СФ модели *я тебе V_{fut}* имеют три значения – возмущения, негодования; категорического запрета; намерения воспрепятствовать совершению действия.

Список использованной литературы

1. Шведова Н. Ю., О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания, 1958, № 2, с. 93.

նից, որը համարվում է V_{fut} փոփոխական բաղադրիչը: Ելնելով բացահայտված հատկանիշներից՝ եզրակացվում է, որ *я табе V_{fut}* կայուն շարահյուսական կառույցը մի տեսակ «քամելեոն» է, որը փոխում է դարձվածայնության աստիճանը, քանի որ այդ կառույցից են կազմվում և՛ դարձվածային սերտաճումը, և՛ դարձվածային միասնությունը: Համատեքստային վերլուծության մեթոդի կիրառմամբ պարզվել է, որ *я табе V_{fut}* մոդելի SF-ն ունի երեք նշանակություն՝ վրդովմունք, զայրույթ, արգելք, գործողությունը կանխելու մտադրություն:

Բանալի բառեր՝ շարահյուսական դարձվածք, կաղապար, դարձվածայնության աստիճան, հասարակույն բաղադրիչ, փոփոխական բաղադրիչ, կառուցվածքային տեսակ, իմաստ:

STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF BELARUSIAN SYNTACTIC IDIOMS OF THE MODEL *Я ТАБЕ V_{FUT}*.

GARANOVICH TATIANA

Senior lecturer at Minsk State Linguistic University

e-mail: tatiana_garanovich@rambler.ru

The article dwells on Belarusian syntactic idioms built according to the model *я табе V_{fut}* and aims at finding out their structural and semantic features. With the help of componential analysis conducted on the material of the Belarusian N-Corpus it has been determined that the syntactic idioms have two structural variants. In the first one the combination of the permanent and the variable components breaks the modern syntactic norms of the Belarusian language, which is a sign of a high degree of phraseologization, so such syntactic idioms are phraseological fusions. In the second structural variant the combination of the permanent and the variable components corresponds to the syntactic norms, which determines the idioms' low degree of phraseologization and their status of phraseological collocations. The structural variant of a syntactic idiom of the *я табе V_{fut}* type depends on the control of the verb which fills the position of the variable component. A conclusion has been drawn that the set syntactic model *я табе V_{fut}* is a chameleon of its kind with a varying degree of phraseologization, as both phraseological fusions and phraseological collocations are built according to this model. With the help of contextual analysis three meanings of the syntactic idioms in question have been singled out – indignation, outrage; categorical prohibition; an intention to prevent somebody from performing an action.

Keywords: syntactic idiom, model, degree of phraseologization, permanent component, variable component, structural type, meaning.

Հոդվածը ներկայացվել է խմբագրական խորհուրդ 26.04.2023թ.:

Հոդվածը գրախոսվել է 05.05.2023թ.:

Ընդունվել է տպագրության 17.11.2023թ.: